

© 1991 г., СЭ, № 6

В. А. Дмитриев

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕРНОМОРСКОЙ ШАПСУГИИ ЛЕТОМ 1988 Г.

Развернувшийся в нашей стране процесс демократизации общественной жизни объективно способствует вскрытию противоречий, существующих в реальных отношениях между людьми, группами людей и этносами. Значительное число их имеется в сфере этнической культуры и межэтнических отношений. Острые специфические проблемы существуют среди национальных меньшинств. Обостряются и отношения представителей русского народа с малыми этносами.

События последних лет показывают, что общественная неудовлетворенность приводит к состоянию межэтнического конфликта. Национальные обиды стараются не показывать постороннему человеку, но постоянно их переживают и обсуждают внутри своего народа или этнической группы, что делает такой конфликт не менее напряженным и опасным, чем уличные манифестации и столкновения.

Ситуации межэтнической напряженности могут иметь давние исторические корни, как, например, в Кавказском регионе. Здесь во все времена можно было наблюдать и примеры высокого уровня кооперации различных этносов в труде и в обороне своего края, и примеры яростных по своему накалу межэтнических столкновений. Развитость в Кавказском регионе устной исторической традиции, феномен долгожительства, разветвленность семейно-родственной структуры наряду с высокой ролью старшего поколения в повседневной жизни расширяют период живой памяти, вовлекая в него и воспоминания о событиях столетней давности. При общем для обыденного сознания положительном отношении к вхождению Кавказа в состав Российской империи и понимании с конца XIX в. общности народной судьбы, обращение к событиям времен Кавказской войны выглядит симптомом неблагополучия сегодняшнего дня.

Предлагаемые наблюдения лета 1988 г. на территории Лазаревского р-на Большого Сочи (Черноморское побережье Кавказа) — не результат углубленного исследования; но эти наблюдения все-таки позволяют поделить впечатления от ситуации, когда национальное самосознание и «этническая культура» находятся в экстремально противоположных позициях — максимума и минимума.

Предложенные заметки касаются селений I, II, III Красноалександровские, аулов им. Кирова, Большой Кичмай и Шафит, расположенных на территории Большого Сочи. Географически и экономически эти поселки связаны с Черноморским побережьем, и в частности с Лазаревским. Жители — адыги поговору относятся к хакучинской (южношапсугской) подгруппе адыго-абхазской группы кавказской семьи языков. В эту подгруппу входит еще население поселков Головинка и Мохортова Поляна. Хакучи, по мнению Л. И. Лаврова, представляют собой «осколки» Малого Шапсуга, тогда как северошапсугский говор аулов Наджиги (Лазаревский р-н), Большое и Малое Псеушко и других селений Туапсинского р-на роднит население последних с шапсугами Большого Шапсуга (Прикубанье)¹, в настоящее время являющихся частью коренного населения Адыгеи.

В период весны — лета 1988 г. напряженность национального самосознания населения перечисленных аулов была реакцией на проведение празднования 150-летия г. Сочи в мае 1988 г. и Туапсе в июне 1988 г. Обада чувствовалась в словах каждого местного жителя-шапсуга, независимо от его социального положения и имущественного ценза. Эта тема обязательно поднималась в любом разговоре. В вину представителям музеев, других учреждений, изучающих народную культуру, ставилось то, что вывоз этнографических экспонатов обедняет и без того слабо выраженную культуру шапсугов, а это дает местным властям возможность не замечать их национальных проблем. Коренное население горной полосы Черноморья увидело в комплексе этих праздников напоминание о Кавказской войне и утверждение того, что будто бы до русской колонизации этот район не имел истории.

Известно, что процесс включения Кавказа в состав Российской империи был длительным и сложным, он проявлялся в различных формах, в том числе не обязательно мирных. Большой накал военные действия имели на Северо-Западном Кавказе, в том числе в Причерноморье, где военные действия продолжались в основном до 1864 г.² Напоминание о событиях столетней давности создало ситуацию «полуправды». В юбилейных праздниках обозначался историко-военный аспект, так как отмечалась годовщина основания военных крепостей в устье рек Сочи и Туапсе, но в то же время о самой Кавказской войне умалчивалось. Появилось ощущение запретной темы и очередного «белого пятна» истории³.

Отчетливым проявлением роста национального самосознания шапсугов стало также внимание к самоназванию и требование правильной записи этнонима в документах. Дело в том, что в паспорте многих шапсугов в графе национальность указывается черкес. Еще 10—15 лет это воспринималось здесь вполне спокойно. В 1988 г. указанный этноним считался неправильным, записанным не знающими правильного названия чиновниками, а иногда и ругательным, означаящим — «головорез», «разбойник». Желательное для всех адыгских народов самоназвание — «адыге». Примечательно, что еще несколько лет назад и сами воспоминания о Кавказской войне также вызывали не такую болезненную реакцию.

Осуществляя этническую самоидентификацию, черноморские шапсуги относят себя к адыгейцам, хотя в то же время по любому поводу отмечают различие между собой и адыгейцами Адыге, в том числе и кубанскими шапсугами.

Постороннему взгляду заметна определенная межэтническая напряженность в отношениях между сельским населением Шапсугии и работающими здесь стройотрядами, приезжающими сюда из Прибалтики, Средней Азии, Сибири, проявляющаяся во взаимном игнорировании друг друга. Надо отметить, что часть вины за такую ситуацию лежит на приезжих студентах; для большинства из них характерны низкая производительность труда, вызывающее поведение, невнимание к истории и этнографии края. Никто не заботится о том, чтобы приезжие познакомились с шапсугами.

Высокий уровень национального самосознания сосуществует с редуцированными традиционными формами культуры, практически в ряде случаев исчезновением традиционно-бытовой культуры. Прежде чем дать картину современного состояния этнической культуры черноморских шапсугов, полезно кратко оценить ее состояние в прошлом по нескольким позициям.

Численность шапсугов (кубанских и черноморских) в первой половине XIX в. по разным источникам оценивалась от 77 400 (Хан-Гирей) до 300 000 (Торнау и Новицкий) человек⁴. Если исходить из подсчетов К. Сталя, на Малый Шапсуг приходилась пятая часть шапсугского населения⁵.

Исторические данные, к сожалению, весьма немногочисленные, свидетельствуют о шапсугах XVIII—XIX вв. как о молодом, формирующемся этносе, родственном абхазо-абазидам⁶. Последнее важно, так как обращает внимание на значение Черноморья в формировании этнокультурных особенностей шапсугов. Вследствие этнотерриториальных изменений на Северо-Западном Кавказе, явившихся результатом Кавказской войны, шапсуги стали развиваться в направлении превращения их в этническую группу адыгейцев. После окончания Кавказской войны оставшиеся в Причерноморье шапсуги были выселены колониальной

администрацией России на Кубань, но в 1870-х гг. они смогли вернуться на свою этническую территорию. Правда, по свидетельству информаторов, в новое время селения стали располагаться в речных долинах, а не на горных склонах, как ранее.

В XIX в. Черноморское побережье Кавказа, в частности район Малого Шапсуга, было зоной высоко эффективного земледелия, опирающегося на агрокультуру проса и кукурузы, краем, утопающим во фруктовых садах⁷. Здесь развивались овцеводство, коневодство; при выпасе овец в летнее время черноморские шапсуги пользовались общим для западных адыгов пастбищем Лагонаки на северных склонах Кавказского хребта. До сих пор от стариков можно услышать рассказы о системе выпаса скота, правилах дрессировки пастушьих собак, козлов-вожаков, приемах народной ветеринарии. Высокого развития достигало пчеловодство и бортничество.

Западный Кавказ предоставлял все возможности для создания здесь собственной металлургической базы, шапсугское кузнечество было относительно развитым, о чем свидетельствуют следы плавилен и кузниц⁸. Даже названия аулов — Большой и Малый Кичмай — связаны со словом «кузнец». Есть интересное свидетельство начала XIX в. о том, что «шапсуги превосходят укрепленностью своих селений»⁹. Шапсугские женщины слыли мастерицами по обработке шерсти, валянию войлоков, бурок, плетению тесьмы и галуна, но не делали узорных циновок, что было распространено в Адыгее.

Долгое время район Малого Шапсуга оставался зоной сохранения многих традиций материальной и духовной культуры адыгов. Здесь были собраны коллекции ГМЭ народов СССР — сборы А. К. Сержпутовского в 1912 и 1914 гг. (инв. № 2947, 2971), Е. Н. Студенцевой в 1965 г. (инв. № 7654), Музея истории религии и атеизма, сборы Е. М. Шиллинга в 1930 г., Адыгейского краеведческого музея. Характеризуя особенности черноморских шапсугов, Л. И. Лавров писал: «Там можно было надеяться найти некоторые сохранившиеся пережитки старого черкесского быта и старых верований»¹⁰. В 1939 г. здесь еще собирались данные по семейно-родовой структуре, древним верованиям и другим особенностям духовной культуры, что подтверждает мнение Л. И. Лаврова¹¹.

Современное состояние этнической культуры черноморских шапсугов-хаучей разительно отличается от приведенной характеристики. Сейчас их культура может рассматриваться как индустриально-городская. Традиционная утварь отсутствует. В отдельных домах встречаются чесалки для шерсти, ножи для изготовления дранки. В 30% домов аула им. Кирова, в 75% — I—III Красноалександровских имеются топоры для вырубki кустарника. В 25% домов II Красноалександровского в подвале или хозяйственном помещении стоит ступа для дробления орехов и каштанов. В трех домах этого селения мы обнаружили традиционные круглые столики на трех ножках. В 40% жилищ аула им. Кирова и 55% II Красноалександровского есть деревянные корытца для теста и деревянные черпаки.

Традиционная одежда вышла из употребления еще в предвоенные годы. Родившиеся после войны знают лишь названия некоторых предметов мужской и женской одежды. Такие предметы, как женская шапочка (*дыщэ пылэ* или *татарь пылэ*), нагрудник, пояс, на памяти информаторов в 1940—1950-е годы были представлены в единичных экземплярах. Существовавшие ранее запреты на обнажение головы, локтевой части руки, голени в настоящее время не отмечены.

Дома дореволюционной постройки не сохранились. Во II Красноалександровском имеется один дом однорядной планировки, но на высоком каменном цоколе. Несколько таких строений есть в Большом Кичмае, но жителями других аулов это воспринимается как черта именно этого селения. Доминирует планировка «крестовика», ставшая ведущей еще в 1920-х годах. Существуют три варианта «крестовика»: с верандой как угловым помещением; верандой, представляющей как бы нулевой ряд; дом со сквозным коридором. Сохранившиеся дома 1930—1950-х годов делались из теса. В 1970—1980-е годы основным строительным материалом стал фабричный кирпич. В последние годы для внешней облицовки стен применяется металлофольга, придающая им зеркальный блеск. На усадьбе часто имеется два дома, в одном из них устраивается помещение для гостей и может находиться ванная комната, что свидетельствует о сохранении тра-

диционного обычая гостеприимства. Дома обращены фасадом в глубь усадьбы и достаточно далеко отстоят от красной линии. Хозяйственные постройки располагаются бессистемно. Амбары и сапки подняты на сваях, под углы построек для защиты от мышей вмазываются шиферные или металлические пластинки. Во дворе для отдыха ставят одну-две кровати с панцирной сеткой. Таким образом, именно в характере усадьбы сохраняются традиционные установки культуры.

Все селения газифицированы, имеют электрическое освещение, автономный водопровод, дорожки асфальтируются. Практически в каждом доме есть телефон.

Основу хозяйства составляют фундук и грецкие орехи, что в общественном секторе сочетается с выращиванием чая. Сбор фундука обеспечивает устойчивый рост доходов в индивидуальном хозяйстве; развито также пчеловодство. На приусадебных участках выращиваются картофель, свекла, чеснок, укроп, петрушка, растут огурцы и помидоры, много яблонь и груш. Все это — типичный огород, появившийся на Северном Кавказе в советское время.

Разведение домашнего скота имеет весьма ограниченный характер. Молочные продукты предпочитают покупать в магазинах. Выращивают домашнюю птицу, отдавая предпочтение уткам, гусям и мускусным уткам, завезенным на Кавказ в 1970-х годах.

Очень интересны, если можно так выразиться, синтетические формы культуры. Изобретенная Юсуфом Чачухом машинка для очистки фундука стала предметом национальной гордости. В очень своеобразной форме выступает комплекс очага, на участке иногда устраивается его подобие. В двух третях усадеб в помещении летней кухни над газовой плитой на проволоке висят несколько котелков, проволока иногда скручивается в подобие цепи. Круглый туристский котелок может оказаться весьма желанным подарком, так как вызывает ассоциации с традиционным котлом.

В пище очень много заимствованных блюд. Популярны салат из свежих помидоров и болгарского перца со сметаной, борщ, гречневая каша, жареная картошка, чай, компоты из различных фруктов. Покупные консервы употребляются в пищу, но практически не пользуются спросом рыбные консервы. Много блюд из капусты: квашеная капуста, капустный салат с сельдереем и др. Картошку подают в дополнение к некоторым блюдам, очень популярна фасоль с картофелем; в этом сохраняются следы первоначального использования картофеля как приправы. Несколько удивляет малое употребление чесночных приправ, в чистом виде чеснок не едят. Зато во многие блюда добавляют смеси из различных сухих трав. Готовят вино из алычи, сливы, черешни; виноградные вина в основном делаются из изабеллы, но выращивают и другие сорта винограда. Сохраняется ряд традиционных блюд, много сыра и изделий из него. Молоко покупается в магазинах, закваска для створаживания молока хранится у каждой хозяйки на кухне. Употребляется в пищу как мягкий (молодой) сыр, так и твердый (копченый), который изготавливается впрок. Популярно и такое блюдо адыгской кухни, как жареный сыр. Примечательно, что, например, кукурузная или просяная мамалыга, бывшая ранее повседневным блюдом, все больше приобретает характер праздничной или ритуальной еды.

На поминках готовят просяную сладкую безалкогольную бузу, варят мясо, которое подают кусками. Употребляется также блюдо из рубленых хрящей и мозгов, мамалыга. Свадебный пир от поминального отличается наличием алкоголя на столе.

Традиционные формы больше заметны в области духовной культуры. В свадебном комплексе сохраняется обычай помещения молодой в дом друга жениха: ее ввод происходит ночью и сопровождается ружейной стрельбой. Однако вся свадьба сокращается до двух-трех дней, возвращение молодого в свой дом может происходить уже на следующее утро, и свадебный пир устраивается в этот день. Отмечен случай почти месячного разрыва между обрядами «ввода невесты» в дом и «возвращением молодого», что, правда, связано со смертью одного из родственников. Некоторое время в течение дня невеста стоит в углу комнаты под покрывалом.

Свадьбы обычно играют осенью; они сопровождаются скачками и другими конно-спортивными состязаниями. Для свадебного обряда изготавливаются раз-

личные жезлы из фундука. Они бывают трех видов: флаги для джигитовки, ореховое знамя для награждения участников свадьбы и почетных гостей, жезл распорядителя свадьбы. Изготовлением «флагов» из фундука практически исчерпывается набор предметов традиционно-бытовой культуры, которые еще делаются постоянно. О «палочной войне» на свадьбе, т. е. о поединке пеших и конных во время вывоза невесты, информаторы не сообщают, несмотря на наводящие вопросы.

В ритуальной практике, как это видно на примере свадебных и поминальных обрядов, в основном сохраняется традиция застолья. В поминальных пирах участвует практически все селение. Женщины загодя готовят еду, которую они приносят с собой, мужчины готовят мясо. Поминальный день, как правило, суббота. Основное поминальное действо — вкушение пищи. Характерная черта поминальных обрядов — дарообмен, так как 40-дневные и годовичные поминки предусматривают одаривание участников, преимущественно женщин, отрезами, косынками, платками. Часто эти дары заимствуются из тех подарков, которые семья покойного получает от родственников в период траура.

Важной чертой современного быта является сохранение обычая взаимопомощи, в котором в первую очередь участвуют женщины. Голока (*хабы*) устраивается при возведении нового дома в субботу и воскресенье. В случае необходимости работы могут занимать несколько выходных. Хозяин готовит угощение, но часть, например пирожки *челамэ*, гости приносят с собой.

В литературе упоминалось неоднократно о почитании шапсугами каменных насыпей на месте захоронений убитых молнией. Так, над аулом им. Кирова расположено урочище Джэрэж, где в XIX в. находился шапсугский поселок. Северо-восточную часть урочища занимает место *Мыжьыуакъэ* (Каменные могилы). Здесь располагается несколько каменных кернов — погребальных конструкций домусульманского времени. Место вокруг одного из них расчищено, с камней периодически убирается мусор. Над керном висит деревянное било, а ветки растущего рядом кизила увешаны кусками материи. До настоящего времени вокруг этого керна, под которым по преданию якобы похоронен убитый молнией мальчик, устраиваются хороводные пляски. В 1930-е годы камни с этой могилы брали для опускания в речную воду в ритуале вызывания дождя. Сейчас это место используется при обрядах проводов в армию или проводов отъезжающих из селения на долгое время. Посещая могилы, надо соблюдать чистоту, совершить омовение, как при намазе, не иметь на теле открытых следов крови. Уровень исламской религиозности в селении низкий, даже не все старики совершают намаз. Пост практически не соблюдается. Мечети в селениях закрыты с 1930-х годов.

Материалы посемейных списков населения аулов им. Кирова, I—III Красноалександровских позволяют получить некоторые сведения об этнодемографической ситуации в Черноморской Шапсугии. В составе населения очень значительна группа обоих полов в возрасте 24—30 лет. Довольно многочисленна группа старше 55 лет, долгожителей единицы.

Поражает высокий уровень однонациональной брачности и однонациональности селений. Так, из общего числа семей, проживающих постоянно в указанных аулах, только четыре семьи адыгейско-русские. В селениях имеется также несколько русских семейств. Несколько русских семей, переехавшие в 1960—1980-х годах и поселившиеся в урочище р. Пезуапсе рядом с аулом им. Кирова, предпочли образовать собственный поселок Хадоники, хотя отношения между жителями двух соседних населенных пунктов самые хорошие. Важно отметить, что практически все жители 20—40 лет имеют среднее образование. Обращает на себя внимание и то, что многие мужчины-шапсуги посвятили себя кадровой службе в Советской Армии.

Между II Красноалександровским и аулом им. Кирова наблюдается устойчивый уровень взаимобратных связей. В воспоминаниях информаторов каждый из аулов по отношению друг к другу выступает как место, где наиболее правильно соблюдаются национальные обычаи и семейные традиции.

Сохраняется устойчивая система межфамильных отношений, в селениях наблюдается патронимная группировка усадеб. Эта система дублируется расположением могил на аульном кладбище. Очень часто жена захоранивается на участке рода отца.

Молодежь, часть людей среднего возраста работают в Лазаревском, других поселках курортной зоны в строительстве, коммунальном хозяйстве, обслуживают отдыхающих. Эта часть населения постепенно начинает смотреть на аулы как на спальные и дачные поселки. Родители их в этом мнении поддерживают. Складывается любопытный феномен, когда свободное время проводится в сугубо своей национальной среде. Местом освобождения от стрессов рабочего времени, в том числе и межнационального характера, становятся не только семья, но и весь поселок, где живут ближайшие соседи-родственники. Получается так, что аулы шапсугов-хакучей являются этнотерриториальной окраиной Лазаревского и Большого Сочи. Такие условия стимулируют групповое национальное самосознание, но одновременно национальные проблемы вытесняются за пределы узкой полосы курортной зоны, на ситуацию в которой в первую очередь направлено внимание местных властей.

Высокий уровень внутриэтнического единства шапсугов-хакучей, выразившийся в брачной замкнутости, рост национального самосознания, вызванный процессами формирования индустриально-городской культуры и поисками способов сохранения своей самобытности, предъявляют особые требования к выработке путей этнического самовыражения. Процесс усложняется слабостью «этнической культуры» хакучей в ее зримом выражении. Национальное самосознание должно искать свои способы выражения.

Основным способом сохранения национального самосознания шапсугов в последнее время стало культивирование чувства национального очага, т. е. чувство своей территории и своей истории. Надо отметить, что для шапсугов путь национального выражения через развитие языка очень затруднен. Ни северный, ни южный шапсугские диалекты не являются письменными, в основу литературного адыгейского языка положены равнинные диалекты — бжедугский и темиргоевский. Ряд аулов не имеет вообще школ, и детей возят в Лазаревское, где тоже нет условий для преподавания адыгейского языка. Закономерно, что внимание к собственной территории и своей истории привело к акцентированию ее наиболее трагических периодов, таких как Кавказская война и время сталинских репрессий. Острый недостаток исторической и художественной литературы, серьезных научных исследований по истории, этнографии, археологии Причерноморья оставляет судить о прошедших событиях на уровне обыденного сознания, которое очень легко и прямолинейно связывает события столетней давности с годами торжества сталинской административной системы или с периодом «этнического равнодушия» периода застоя. Репрессии сталинского времени очень сильно ударили по тем представителям шапсугов, которые были носителями традиций своего этноса, что нанесло его культуре урон, вполне сравнимый с уроном вследствие военных действий.

Были ущемлены принципы административно-территориального самоопределения шапсугов. Шапсугский национальный район с центром в ауле П Красноалександровское, существовавший в предвоенные годы, в 1930-е годы был лишен своего статуса, а в начале 1950-х годов — и своего названия. Район был переименован в Лазаревский по имени одного из участников Кавказской войны.

Сузившиеся возможности национального и этнического самоопределения шапсугов «накалили» их этническое самосознание, а непродуманное празднование годовщины одного из эпизодов Кавказской войны, как это имело место при проведении праздника 150-летия городов Сочи и Туапсе, еще больше обострили его и перевели латентную ситуацию в явную.

Представляется, что возникшую напряженность можно уменьшить посредством правильного освещения этнокультурной истории шапсугов и истории Причерноморья, признав на первых порах, что не противоречит исторической правде, существование населенных пунктов ранее 1838 г. на месте городов Сочи и Туапсе. Важно также изучение механизмов этнического выражения шапсугской культуры с целью их возможного восстановления. Пока это возможно, так как еще можно собрать сведения по садоводству, пастушеским навыкам, народной фенологии, медицине и др. Можно возродить экологические знания шапсугов, выработанные тысячелетиями. В заботе нуждаются не только загрязненное Черное море, но и горные реки и леса горной полосы, которые вырубаются для строительства все новых и новых дорог, назначение которых никому не понятно.

Поддержка чувства владения своей землей — это, как представляется, один из самых действенных способов влияния на национальное самосознание.

Одновременно будет справедливым признание требований шапсугов о восстановлении местного самоуправления. В широком плане это может означать восстановление Шапсугского национального района, однако в любом случае должны быть соблюдены условия этнодемократического самоуправления как функционирование народного собрания — *хьасэ* и восстановление шапсугской топонимии. Некоторые шаги в этом направлении были сделаны в 1989 г.; так, было проведено народное собрание шапсугов Лазаревского р-на. Однако замедленный ход изменений не может служить гарантией решения насущных вопросов.

Примечания

¹ Лавров Л. И. Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // Сов. этнография. 1936. № 4—5. С. 124.

² Княпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. В работе приводится перечень основных работ по дореволюционной, советской и зарубежной историографии Кавказской войны.

³ Дзагуров Г. А. Переселение горцев // Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Д., 1925; Лайпанов Х. О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Тр. Карачаево-Черкесского НИИ истории, языка и литературы. Черкесск, 1966. Вып. V. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975; Шинкуба Б. Последний из ушедших. Сухуми, 1976.

⁴ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. XVIII — первая половина XIX в. М., 1967. С. 32, 42.

⁵ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. XXI. С. 81, 83—85, 94.

⁶ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 47.

⁷ Клингген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1892; Гейдук Я. Ф. Постановка садоводства в Черноморской губернии // Кавказский вестник практического садоводства. 1902, № 103; Гарданов В. К. Указ. раб.

⁸ Меретуков А. М. Развитие металлургии у адыгов в XIX в. // Уч. зап. Адыгейского института языка, литературы и истории. Майкоп, 1968. Т. VIII. С. 55—56, 61.

⁹ Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 242.

¹⁰ Лавров Л. И. Из поездки ... С. 122.

¹¹ Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М.; Л., 1940.

© 1991 г., СЭ; N 6

А. П. Новицкая

ВЫБОР ФАМИЛИИ РУССКИМИ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В БРАК

Исследование проблем семьи — одно из актуальных направлений этнографической науки, ибо семья представляет собой ячейку, без которой не могут поддерживаться и воспроизводиться этнокультурные характеристики общества. Однако до сих пор остается почти не изученным вопрос о фамилии, принимаемой семьей при ее создании. Возможно, это произошло потому, что ему не придавалось особого значения, хотя первый вопрос который задается при оформлении брака — какую фамилию будет носить семья? В «Кодексе о браке и семье РСФСР» в разделе «Брак» есть специальная статья (№ 18) «Право выбора супругами фамилии при заключении брака», которая гласит: «При заключении брака супруги по своему желанию избирают фамилию одного из супругов (разрядка моя. — А. Н.) в качестве их общей фамилии либо каждый из супругов сохраняет свою добрачную фамилию (разрядка моя. — А. Н.)¹. Эта